
А.Е. Пресняков

**ОБРАЗОВАНИЕ
ВЕЛИКОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

МОСКВА

Богородский Печатник

1998

...и восторженно встречать смерть в славный татарский плен. В последние годы на татарскую землю явилась, как предвещая будущее устройство с монголами и суровыми бичевками, крепкими железными оковами, как быстро нарастающее присутствие на восточном склоне величия, на котором собор от подчинения традиционному, обычно признанному укладу княжеской деятельности, самобытно-восточной и обществ...

Единодержавие и самодержавие московских государей явилось итогом собирания раздробленной власти над территорией Великороссии и ее населением. Василий Темный в последнее свое десятилетие положил прочную основу Великорусскому государству построением его ядра – Московского государства.

Смерть Шемяки развязала ему руки. Великий князь не замедлил использовать ближайший повод, чтобы покончить с Иваном Можайским. Принятый в «любовь и докончание», пожалованный и своей отчиной, и наделом из отчины великого князя, он уклонился от выступления против татар, разорявших набегами Русскую землю, и за такое его «неисправление» в. к. Василий пошел на Можайск, занял княжение Ивана Андреевича, посадил на его вотчине своих наместников, а князь бежал с семьей в Литву¹. Что дело шло не только о расплате за прежние деяния и новые подозрения в умыслах «крамолы», показывает судьба серпуховского князя Василия Ярославича. Нашлись «неисправления» и за этим верным сторонником в. к. Василия. Василий Ярославич получил от великого князя значительное расширение своих владений; по-видимому, после бегства в Литву Ивана Можайского к нему перешел Бежецкий Верх, бывший за этим князем, с придачей еще и Звенигорода². Возможно, что на почве домогательств более широкого наделения со стороны князя Василия Ярославича возникли трения, но знаем только, что он в июле 1456 г. «пойман» на Москве и сослан в Углич; его сын Иван и вторая жена бежали в Литву. Василий Ярославич долго томился в заключении – до самой смерти, постигшей его только в 1483 г.³; незадолго до кончины в. к. Василия возник в связи с планами князей-изгнанников, нашедших убежище в Литве⁴, заговор серпуховских детей боярских и дворян об освобождении их князя из угличского заключения, но «обличися мысль их», и жестокая расправа поразила воображение москвичей новыми проявлениями грозной власти⁵.

И на суздальских князей легла тяжкая рука великого князя. Еще при жизни Шемяки в. к. Василию удалось, видно, внести разделение в среду этих князей; суздальские Юрьевичи на стороне Шемяки, а сохранился договор в. к. Василия с князем Иваном Васильевичем, их троюродным братом, по прозвищу Горбатый, который за обязательство не приступать к Шемяке, а быть неот-

ступно при в. к. Василии под карой лишения в пользу великого князя и его детей всего «удела и вотчины» и под угрозой митрополичьего неблагословенья пожалован Городцом (волжским) и вотчиной своей в Суздале, какой владел и отец его⁶. Источники наши умалчивают о дальнейшей судьбе этих владений; знаем только, что брат князя Ивана, Василий, прозвищем Гребенка, который с 1448 года княжил во Пскове под рукой великого князя, в пятидесятых годах, уже после смерти Шемяки, участвует в борьбе с великим князем во главе войск Великого Новгорода⁷. И Вятку, служившую в смутные годы источником боевых сил Шемяки, в. к. Василий привел «во всю свою волю» посылкой на вятчан рати своей в 1458–59 годах⁸. Скудость источников не дает полного представления о ликвидации смуты Василием Темным. Много в наших летописных сводах недомолвок и умолчаний о событиях этой тяжелой поры. Но общий итог – ясен. В. к. Василия можно назвать единомдержцем в пределах московско-владимирских великокняжеских владений; верейская удельная вотчина князя Михаила Андреевича столь же мало нарушает это единомдержавие, как уделы князей Андрея Ивановича и Владимира Андреевича при Василии III и Иване Грозном.

Опираясь на это ядро своих великокняжеских владений, Василий Васильевич укрепляет свою власть над Новгородом, Псковом и Рязанью.

В 1456 г. в. к. Василий поднялся на Новгород со всеми князьями воеводами и со множеством воинства за новгородское «неисправление», что новгородцы у него не «в послушании» и держат у себя «его лиходеев, изменников». Поход принудил новгородцев к покорному челобитью, уплате контрибуции великому князю «за его истому» и к Яжелбицкому договору, который в определенной форме восстановил принадлежность Новгорода к составу великого княжения⁹. Новгородцы обязались держать великое княжение «честно и грозно» и «пошлин» великокняжеских не утаивать; эти пошлины изложены в особой грамоте, а важнейшие из них: на грамотах Великого Новгорода «печати быта князей великих», а «вечным грамотам не быти»; восстановить великокняжеский суд на Городище – от великих князей боярин судьей «от Новагорода боярин», а если эти судьи разойдутся в решении, то конец делу учинит великий князь с посадником, когда будет в Новгороде; у наместников великого князя суда не отнимать, а в Новгороде и по его волостям судебные позвы выполнять должны вместе позовники великого князя и новгородские; восстановить в общей норме право великого князя на «черный бор», – «коли приведется взяти князем великим черный бор»; «лихоедеев» великого князя впредь в Новгород не принимать; Новгород князьям великим держать «в старине по пошлине», как она определяется в статьях договорных грамот¹⁰.

Летописные своды почти не дают сведений о том, как и насколько проведены на деле условия Яжелбицкого договора. Несомненно, что они вызвали в Новгороде большое раздражение и продолжительное брожение; о полном и последовательном их выполнении не может быть, по-видимому, речи: в 1471 г. Ивану III пришлось заново устанавливать яжелбицкую великокняжескую «пошлину». В. к. Василий только в 1460 году поехал в Новгород «о всех своих управах»; положение было напряженным; «новгородцы во стороже жиша»; в городе началось волнение: «шилники» пытались убить боярина Федора Басенка, а новгородцы поднялись вечем на великого князя, и только архиепископу Ионе удалось с трудом успокоить поднявшийся мятеж¹¹. Великий Новгород пережил первую судорогу своей политической агонии. Но, как бы то ни было, восстановлена в полной мере принадлежность Новгорода и Пскова к составу великого княжения всея Руси: в переговорах с немцами о перемирии с вольными городами решающее определение принадлежит в. к. Василию¹². И Псков вскоре испытал усиление своей зависимости от великокняжеской власти: в 1461 году великий князь прислал во Псков наместника своего, *«а не по псковскому прошению, ни по старине»*, и псковичи его приняли и посадили на свое княжение¹³.

По отношению к Рязани не приходилось ставить сколько-нибудь острых вопросов. Так обстоятельства сложились, что Рязанская земля оказалась в полном управлении великого князя, так как рязанский в. к. Иван Федорович передал перед кончиной, в 1456 году, своего восьмилетнего сына и рязанское княжение «на руки» и «на соблюдение» в. к. Василию, который княжича взял к себе на Москву, а управление Рязанской землей передал своим наместникам¹⁴. Недавняя подлинная «старина» отношений сохранилась только между Москвой и Тверью. Но и ее пришлось восстанавливать после периода тесной связи Твери с Литвой, и договор между великими князьями Василием Васильевичем и Борисом Александровичем, заключенный в середине пятидесятых годов XV века, утверждает полное их одиначество «на татар и на ляхи и на Литву и на немцы», а «великое княжение, Москву и Новгород Великий» признает «вотчиной» в. к. Василия и его детей; однако в. к. Борис не признал Василия Васильевича «старейшим» себе братом: их «братство» в этом договоре – равное¹⁵; возврат ко временам Донского, к условиям договора 1375 года был еще невозможен. Большим успехом было уже то, что Тверь, вовсе отошедшая «в сторону» литовско-русского государства, снова примкнула к великорусскому великому княжению. Этим Москва была обязана не столько возрождению собственной силы, сколько внутренним осложнениям Речи Посполитой; западные отношения Великороссии держались на том условном

Этот старший сын великого князя с малолетства сам князь великий, соправитель отца. Но в таком действии в к. Василий, видимо, наивысшим византийским примером закрепления престола на престоле путем приближения престолонаследия к власти в форме соправительства, нет еще определенной связи восточных представлений о семейном владении идеей престола в государственной, политической власти. В к. Василий не в силах освободиться от традиционных представлений и в этом отношении, как, впрочем, не свободны от их пережитков династические понятия и позднейшей самодержавной монархии. Не великокняжескую власть вынуждает он из пут семейно-владельческой традиции, а только укрепляет восточное право на эту власть за своей семьей, за своим потомством. В договорах он укрепляет свою «восточную великую княжескую, Москову и Новгород Великий» «под своими детьми, а к. Иваном и под князем Куром и под молодыми сызлами детьми», и добавляется, по возможности, от владения князей, чтобы они признали не только его, князя великого, старейшим братом, но сызлов — Ивана и Куря и молодых детей его «имаме себе братьями старейшими» и держали их «честно и дружно»¹. Победу над запальным дроблением власти предостаточно завершить в недрах самой великокняжеской семьи.

В правительственной деятельности московской великокняжеской власти смена Василия Темного Иваном III только внешний момент; не менявший, по существу, ее течения в принятом направлении. В. к. Иван Васильевич завершает собирание власти и перестройку внутренних отношений Московского государства на новых основаниях, завершает и политическое объединение Великороссии, оставляет преемников вотчиками на всех государствах Московского царства.

Начал Иван III с пересмотра пожалования Верейского и Ярославского княжеств, но повел его с исключительной осторожностью. На первых порах он возобновил с дьяковскими дядей, князем Михаилом Андреевичем, договор, утверждавший за ним то положение, какое определено соглашением Василия. В этой грамоте Михаил признавал старейшинство себе двух племянников, а. к. Ивана и князя Юрия, а равным — третьего Василиевича Андрея, утверждаемы за ним — его воеводы Верей и Белоозеро и всеволодские пожалования Вышгорода с приделами от а. к. Ивана

вступался и не мог нарушить, но никак надеется на добрую волю князей власти, от усмотрения которой восторго зависит решение этих вопросов.

На местные вотчинные княжества надвигалась падение княжеской власти. Ее признаки и свойства ясно сказались в последующие годы на ликвидацию вотчинных владений ярославских князей. О ней мы узнаем, в частности, только по поручной записи местного княжеского воеводы, который – под 1468 годом – приписал в известии об обречении князей ярославских князей: «сам бы чюдотворца князь не на дѣрѣ или князь ярославский, приехалъ со всеми силами отъчичами на нем, подалъ на великому князю Ивану Васильичу, а князь великий приехал на отъчича подалъ им князю и сила, а на старшину подалъ на нем князю великому старшину (он и Василий Темный) Алексей Дмитриевич, был великий князь, чинилъ отъчича на не на немъ Иван. Сила такая приехал, который князь не подалъ «переставу князь и князь Иваномъ Приказомъ, верный свой местный «старшину, великокняжеская власть горбят вступит в переставу местный народомъ и отъчичей на немъ сила и сила же граде Ярославле князь князь чюдотворца Иваномъ Дмитриевичемъ Смердъ, старшину Ярославский князь, у кого сила дѣрѣ, он отъчича, а у кого дѣрѣ дѣрѣ, он отъчича дѣрѣ отъчича на великого князя, а кто будетъ самъ дѣрѣ, дѣрѣ или самъ дѣрѣ, он или самъ князь. Кругомъ берется княжеская власть на ликвидацию князя потребностями ликвидация и ликвидация сил князя в службу населения. И местный отъчича князь до ликвидации князя князь князь князь по адресу княжеского князя князь князь на немъ или чюдотворца князь не можетъ ликвидация, на ликвидация, князь до не князь князь князь».

В семидесятых годах пришел черед ростовских князей. Они, подобно князьям ярославским, давно сошли на положение служилых князей, бывали великокняжескими воеводами и наместниками, но еще княжили на вотчинной своей «половине Ростова»; в 1474 году они продали ее «со всем» в. к. Ивану, а он продал новый свой примысел матери, которая владела другой половиной Ростова по духовной Василия Темного⁴⁰.

Растет вотчина великого князя, поглощая мелкие вотчины удельного княжья. Крепнет и обобщается непосредственная его власть над территорией и населением московско-владимирского великого княжества; строится Московское государство. Но в самой великокняжеской семье еще живы удельно-вотчинные воззрения и отношения.

С братомъ Иваномъ III, по-видимому, не заключая договора о силе князя. Но в сентябре 1472 года умер князь князь князь – без князя (он и князь не был). Князь о князе

неустойчивым, непрерывно-тревожным и недостаточно определенным было и положение западного рубежа Великороссии. Компромиссная попытка 1449 г. разграничить сферы литовского и московского влияния, по существу, ничего не разрешала. Колебания «верховых княжеств» старой Черниговщины, Твери, Новгорода, Пскова между Москвой и Литвой держали оба великих княжения в постоянном враждебном напряжении. На границах между новгородскими волостями и литовскими владениями сложились столь своеобразные явления, как совладение нескольких политических центров во Ржеве, Великих Луках, на Холмском погосте⁵³. Прочно взять в свои руки определение западных пределов и позиций Великороссии значило для великокняжеской власти утвердить свое господство над Новгородом, Псковом и Тверью.

Неустойчивым, непрерывно-тревожным и недостаточно определенным было и положение западного рубежа Великороссии. Компромиссная попытка 1449 г. разграничить сферы литовского и московского влияния, по существу, ничего не разрешала. Колебания «верховых княжеств» старой Черниговщины, Твери, Новгорода, Пскова между Москвой и Литвой держали оба великих княжения в постоянном враждебном напряжении. На границах между новгородскими волостями и литовскими владениями сложились столь своеобразные явления, как совладение нескольких политических центров во Ржеве, Великих Луках, на Холмском погосте⁵³. Прочно взять в свои руки определение западных пределов и позиций Великороссии значило для великокняжеской власти утвердить свое господство над Новгородом, Псковом и Тверью.

Яжелбицкий договор положил основание подчинению Новгорода. Житие св. Ионы, архиепископа новгородского, повествует, что в. к. Василий Васильевич собирался решительно поднять руку на Новгород, жалуясь на новгородцев, «аки не по лепоте от них чтом»: «а ему, — поясняет житие, — великого княжения власть над князьями русскими предержащу, и сего ради искаше подъяти руце на Великий Новгород». «Повесть об Ионе» составлена современником в конце 1472 года и свидетельствует, что вопрос о «государстве» великого князя над Новгородом стоял перед сознанием московских правящих кругов и новгородских политиков задолго до того, как Иван III приступил к его разрешению⁵⁴. По существу он был, действительно, поставлен ребром в Яжелбицком договоре и обострен последовавшими новгородскими волнениями. Возможно, что житие св. Ионы верно представляет дело, утверждая, что назревший конфликт отсрочен его предстательством за Новгород перед великокняжеской властью; по крайней мере, кончина святителя, умершего в ноябре 1470 года, послужила исходным моментом для сложной истории «падения Великого Новгорода». Руководившая новгородской политикой боярская партия имела свой план действий — решила искать помощи против Москвы за литовским рубежом. Однако в начавшихся сношениях с Литвой следует различать два момента, соотношение которых объясняет полную неудачу плана Борецких. Сношения с Литвой начались еще до кончины арх. Ионы, так как через три дня после его смерти в Новгород прибыл князь Михаил Олелькович, «испрошенный» новгородцами у короля Казимира⁵⁵. Дело шло о водворении в Новгороде литовского наместника «от православного христианства». По рассказам,

сохранившимся в наших летописных сводах, план князя Михаила и Борецких состоял в том, чтобы за литовского пана, который станет новгородским правителем, выдать вдову посадника Исаака Марфу и тем утвердить связь боярской партии с литовской правящей средой и ее господство над Новгородом⁵⁶. Возможно, конечно, что это только слух или сплетня – новгородская либо московская. Но положение Казимира перед новгородским делом было весьма затруднительно. Если оно представлялось возможным, то не иначе как при участии православных князей и панов Литовско-русского государства, той среды русских Рюриковичей и обруселых Гедиминовичей или панов литвинов, борьба с которыми была очередной задачей внутренней политики Казимира. Михаил Олелькович, виднейший представитель этой среды, ее кандидат на великое княжение, подготавливал в Новгороде почву для такого решения дела, которое едва ли было в намерениях короля: создания в Новгороде крупного наместничества для православного магната.

Дело не замедлило осложниться церковным вопросом. По смерти Ионы св. София, Премудрость Божия, избрала себе жребий его протодьякона и ризничего Феофила; кандидат литовской партии, владычный ключарь Пимен, потерпел неудачу, Феофил отнесся двойственно и нерешительно к затее литовской партии: начал хлопоты по поездке в Москву к митр. Филиппу на поставление, но принял участие и в сношениях с Казимиром. Последнее было, вероятно, вынуждено соперничеством с Пименом, который искал опоры в литовской партии и соглашался ехать на поставление к литовскому митрополиту. А этот проект чрезвычайно осложнялся тем, что литовско-русскую митрополию занимал Григорий, униат и ученик Исидора, которого не признали вожди православной западнорусской среды, князья Олельковичи и паны Гольшанские. Правда, Григорий добился незадолго перед тем признания своего митрополичьего сана и даже своих прав на митрополию всея Руси от константинопольского патриарха Дионисия, но это вызвало резкий протест Москвы и только еще более запутало церковные отношения явным соблазном⁵⁷. В таких условиях соглашение новгородских правящих кругов с королем Казимиром не могло получить достаточной силы, хотя и вылилось в формулу договора о назначении на Новгород литовского наместника – православного, о держании Новгорода «в воле мужей вольных», о защите его против в. к. Ивана всей литовской силой⁵⁸. В Новгороде поднялись тревоги и раздоры⁵⁹. Над вольным городом повеяло грозной опасностью, когда пришли вести из Пскова, что в. к. Иван подымает псковичей против Новгорода⁶⁰. Но Москва выступила сперва не с ратной силой, а с увещаниями митрополита о «честном и грозном» княжении новгородского «отчича и дедича», о смирении «по великой старине»

«под крепкую руку благоверного и благочестивого государя русских земель», о великом грехе «приступать к латинской прелести» признанием власти «латинского господаря»⁶¹. Новгородцы, охваченные внутренними разногласиями и недоверием к московской власти, не дали, по-видимому, никакого ответа. Тогда в. к. Иван поднялся на них «всеми землями» с братьями и служебными князьями, с царевичем Даньяром, тверской и псковской ратью, а другую рать направил на Двинскую землю.

Дело быстро закончилось поражением главных новгородских сил от передовой московской рати на Шелони, и двинян с их воеводой князем Василием Шуйским – отрядом великокняжеского воеводы Образца. Последовал мир, запечатленный в окончательных грамотах, который почти дословно повторил Яжелбицкий договор; «за новгородскую проступку» Великий Новгород обязался в четыре срока уплатить значительную контрибуцию⁶².

Заключению этого мира в летописных повествованиях, отразивших на себе московскую точку зрения, придан характер великодушного великокняжеского «пожалования», своего рода амнистии «новгородской проступки», по печалованию митр. Филиппа, братьев великого князя и его бояр⁶³. Но на этот раз примирение еще приняло старинную форму договорного докончания, скрепленного крестным целованием великого князя к Новгороду, и мир – согласно терминологии договора и летописных повествований – заключен «по старине, по пошлине». Однако это восстановление не новгородской, а великокняжеской старины⁶⁴. Дело шло, на первых порах, об осуществлении и закреплении условий Яжелбицкого договора. Признание всех актов новгородского законодательства и управления, совершаемых в имени великого князя, и гарантия судебной власти его наместников должны были получить свое полное значение. С августовским докончанием 1471 года неразрывно связано и составление «Новгородской Судной грамоты» – «по докладу господа великим князьям», где установлено *«без наместников великого князя посаднику суда не кончати, а наместником великого князя и тиуном пересуд свой ведати по старине»*; она явилась результатом пересмотра и новой редакции той Судной грамоты, которая упоминается в договоре: *«а что грамота докончальная в Новгороде промежь себя о суде, ино у той грамоты быти имени и печати великих князей»*⁶⁵. Усиливалась активная роль великокняжеских наместников в новгородском суде и управлении, неотделимая от доли великого князя в новгородских доходах.

С московской точки зрения, условия договора 1471 года представлялись весьма умеренными; великий князь обошелся с новгородской стариной по-своему, сравнительно осторожно. В этом можно усмотреть определенный политический расчет.

В. к. Иван был силен перед Новгородом его внутренними раздорами, и не было в интересах великокняжеской политики скреплять согласное объединение новгородцев поспешным и слишком резким давлением. Щадя – по внешним приемам – вечевые инстинкты новгородской массы, в. к. Иван направил крутые удары на виднейших вожаков литовской партии, внося в ее среду дезорганизацию и сознание полного бессилия⁶⁶.

Дальнейшее развитие новгородской политики Ивана III проходит по двум стадиям: великий князь в течение некоторого времени усиливает проявления подлинной власти своей при относительном соблюдении традиционных форм ее деятельности, т. е. новгородской «старины и пошрины», а затем круто водворяет свое вотчинное «государство» над Великим Новгородом.

В «старине и пошрине» новгородской за княжеской властью сохранялись значительные права и полномочия, но связанные нормами этой «старины» в том отношении, что были осуществимы только как права и полномочия местной, земской власти. Князья могли использовать их в полной мере лишь под условием пребывания в Новгороде и не иначе как при участии посадника и при посредничестве должностных лиц, взятых из состава новгородских мужей. А с тех пор как новгородскими князьями стали великие князья всея Руси, неизбежный абсентеизм княжеской власти парализовал ее активное участие во внутренних делах Великого Новгорода, как, с другой стороны, поглощение великокняжеской силы внутренней борьбой за власть и внешними делами на юго-востоке и на юго-западе Великороссии, взрастило самостоятельность Новгорода во внешней политике. «Старина» новгородской княжой власти пришла в упадок, уступая все более и более «пошрине» новгородского народоправства. Эту пошрину новгородцы развивают и укрепляют в своих договорах с князьями, заботливо охраняя внеземское положение князя за претом ему землевладения на своей территории и связей патроната-закладничества в среде новгородского населения. Однако Великий Новгород оставался в составе великого княжения всея Руси, и новгородцы долгое время настойчиво проводили традицию признавать своим князем носителя великокняжеской власти. На основе весьма реальных политических и экономических интересов соединение в одном лице великокняжеской власти Владимирской и Новгорода Великого сложилось в прочную «старину и пошрину», которую и новгородцы усвоили, как черту своего обычно правового порядка; попытка перенести княжескую власть на литовского великого князя была, несомненно, коренным и смелым новшеством одной из новгородских партий. В терминах великорусского княжого права та же «старина и пошрина» выражалась признанием Новгорода «вотчиной» великих князей всея Руси. И эта связь Великого Новгорода с великим

княжением подверглась тяжкому испытанию, когда оно превратилось в вотчину московских государей, слилось в одно целое с их московской отчиной. Перестройка на новых, вотчинных основаниях внутренних отношений великого княжества надвинулась на вольность новгородскую, как конечная, смертельная угроза.

В договоре 1471 г. в. к. Иван, прежде всего, следуя Яжелбицкому договору, закрепляет безусловную принадлежность Великого Новгорода к составу великого княжения всея Руси. Новгородцы обязаны признать, что должны «быть от великих князей неотступными ни к кому» и впредь не принимать на пригороды ни литовских князей, ни русских, недругов великому князю. Затем он берет на себя деятельную роль новгородского князя, главным образом (не говоря о полном подчинении внешних отношений) в деле суда, обеспечив за собой и своими наместниками условия такой роли. Восстановлена, по старине, и зависимость новгородской церкви от московского митрополита поставлением Феофила на владычество (в декабре 1471 года).

Усиление княжеской власти открывало новые возможности для вмешательства во внутренние отношения Великого Новгорода. А эти отношения приняли весьма тягостный характер. Хозяинничанье боярской олигархии вызывало острое недовольство средних и низших слоев населения⁶⁷, а планы литовской партии шли в разрез с интересами новгородского купечества, тяготевшего по торговым связям к северо-восточной Руси.

Однако партия Борецких, видимо, не считала своего дела безнадежно проигранным и после 1471 года. В ближайшие годы видим вокруг степенного посадника Василия Ананьина людей этой партии, они пытаются сплотить новгородцев прямым террором на противников из числа бояр⁶⁸. Но в массе вечевая толпа была не на их стороне. Современник-пскович записал в свою летопись, что новгородские житьи и молодые люди сами призывали в. к. Ивана на управу, «что на них насилье держат посадники и великие бояре – никому их судити не мочи; как тии насильники творили, то их такоже иметь князь великий судом по их насильству и мзде судити»⁶⁹.

В октябре 1475 года в. к. Иван поехал в Новгород на свой суд с людным двором. Подробное описание его пути отмечает, как еще на станах по дороге его встречали новгородские жалобщики⁷⁰. В Новгороде стали перед ним главные челобитчики, жертвы большого погрома, и били челом на его виновников – бояр партии Борецких. Великий князь творил суд по-новгородски – при владыке и посаднике, в собрании новгородского боярского совета, и дал на обвиняемых своих приставов из ближних дьяков вместе с приставами от Великого Новгорода, а по обыску обвинил их, велел «поймать» старого посадника Ананьина и одного

из Борецких, Федора, а остальных их сторонников отдать на поруку. В это дело в. к. Иван впледел заново и обвинение в попытке передаться на литовскую сторону и тем придал уголовному делу политический характер, что дало ему предлог для отсылки арестованных, окованных в Москву; с остальных обвиненных он велел взыскать «исцевы убытки» в размере исков и «свою вину» по прежним грамотам. По обычаю, великий князь собрал в свой приезд обильные дары не только с бояр, но и с купцов, и с житейных людей, и со многих молодых, которые шли к нему с челобитьями и с «поминками», так что «никаков не остана, который бы не пришел с дары». А великий князь отдаривал их своим жалованьем «от дорогих порт и от камок и кубки и ковши серебряные и сороки соболей и кони, коемуждо по достоинству»⁷¹.

Такое властное и торжественное выступление в Новгороде могло убедить Ивана Васильевича, что почва для полного водворения его «государства» достаточно подготовлена. Не даром этот «мирный поход» описан так подробно и тщательно, видимо, пером великокняжеского дьяка. Челобитчики и жалобщики продолжали обращаться к великому князю и после его отъезда, и он стал давать на ответчиков своих приставов из Москвы и назначать срок явки на свой суд в Москву; так продолжалось и в следующие годы, к явному нарушению новгородской старины, чего «не бывало от начала, как и земля их стала и как великие князи учили быти..., но сей в то приводе их». Видно, что внутренний разлад дошел до полной утраты боярским правительством опоры в значительной части населения, которая потянулась к новой для нее власти «о обидах искати». То же творилось и в самом Новгороде. Новгородские бояре жаловались, что наместники великого князя судят посадничьи и владычни суды; перетягивают суд из Новгорода на Городище, как и сам великий князь вместо того, чтобы решать только те дела, каких «не возмогут управити» посадник с наместником, притом только во время своих приездов в Новгород, переносил новгородские судебные дела к себе в Москву по новгородским челобитьям.

Так подготовлен был известный эпизод, происшедший в марте 1477 года, когда новгородские послы били челом в. к. Ивану, как своему «государю», чего *«наперед того, как земля их стала, не бывало, никакого великого князя государем не называли, но господинам»*. Трудно сомневаться, что такой шаг был подготовлен из Москвы с помощью новгородских угодников великокняжеской власти. Речь шла, очевидно, не о титуле. Послы новгородские, по московской записи, пришли к великим князьям Ивану Васильевичу и сыну его Ивану «бити челом и называти себе их государи» и вызвали тем ответное посольство от великого князя с целью «покрепити того, какова хотят государства?» Официальные представители Великого Новгорода отвечали на

такой запрос, что «с тем не посылали», а в Новгороде поднялась ожесточенная партийная борьба, в которой верх взяла партия, враждебная Москве, а посадники и бояре, которые «приатны» были великому князю, вынуждены спасаться бегством. Тогда в. к. Иван поднялся в последний поход на Новгород, и новгородцы не смогли организовать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Началось челобитье о мире; начались чрезвычайно интересные переговоры о дальнейшей постановке взаимных отношений между Новгородом и великокняжеской властью. В этих переговорах встретились два политических воззрения, с трудом находившие общий язык⁷².

Новгородцы начали переговоры с челобитья о восстановлении «старины», как они ее понимали, подкрепленной отменой тех ее нарушений, которые ярко сказались в практике последних лет⁷³. В. к. Иван настаивал, прежде всего, на признании новгородцами челобитья о его «государстве» над Великим Новгородом и поддержал свои настояния более тесным обложением города. Однако только по вторичному его требованию и новому совещанию в Новгороде послы принесли новгородскую «повинную», что сперва отвергли свое посольство. Только тогда в. к. Иван нашел почву для ответа по существу, как он думает «жаловать» свою отчину, как сам он понимает свое будущее «государство»? Ответ был простой, но для новгородцев мало вразумительный: «мы, великие князи, хотим государства своего, как есмь на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новгороде». Послы поехали на новое совещание (а великий князь пока продолжал стягивать войска к Новгороду) и вернулись с новым проектом договора о порядках княжого управления⁷⁴. Не отвечая по существу отдельных новгородских пожеланий, в. к. Иван поставил ребром основной вопрос: «яз, князь великий, то вам сказал, что хотим государства в своей отчине Великом Новгороде такова, как наше государство в Низовской земле на Москве, а вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти, ино то которое мое государство?» Характерен ответ новгородцев: они вынуждены отречься от принципа договорного соглашения («урока не чиним их государству»), но просят «явить» им, в чем же состоит «низовская пошлина», которой Новгород не знает, та «пошлина», по которой «государи наши великие князи государство свое держат в Низовской земле». Деятельность правительственной власти, не связанная никакими нормами обычного права, никакой «пошлиной», едва ли была только неприемлема для новгородцев: такое представление должно было им казаться просто непонятным. Но в ответ они получили только отрицательное определение той новой пошлины, какой им предстояло подчиниться: вечевому колоколу не быть, посаднику не быть, а «государство все держать» велико-

му князю. Несколько конкретнее пояснялась «низовская» пошлина требованием организации в Новгороде дворцового и служилого землевладения – волостей и сел, «на чем великим князем быти в своей отчине» и редукции в обладание великих князей тех княжих земель, которые за новгородцами⁷⁵. К жесткому ответу, несколько раскрывавшему черты нового порядка, в. к. Иван прибавил обещание пожаловать свою отчину выполнением некоторых новгородских пожеланий: не делать «вывода» из Новгородской земли, не нарушать землевладельческих прав новгородского боярства, сохранить суд по старине, «как суд в земле стоит». Новгородцы смирились, приняли такое «пожалование» и основы новой «пошлины» и только выпросили себе еще отмену московских позвов и низовской службы.

Им казалось, что они добились-таки некоторых, хотя и скудных гарантий. Оставалось, по их представлению, формально закрепить эти гарантии. И снова поднялось то же самое, только что исчерпанное, принципиальное разногласие.

Новгородцы подняли речь о том, чтобы государь им «крепость дал» – крест бы целовал, и встретили отказ. Просили, чтобы великокняжеские бояре целовали крест к Великому Новгороду, чтобы наместник великого князя, который будет у них, был связан таким крестным целованием – и это было отвергнуто. Отказано им было даже в «опасной грамоте», которая охраняла бы обещанные гарантии⁷⁶. Пришлось удовлетвориться милостивым словом из собственных уст великого князя о том, чем он свою отчину пожаловал; на это в. к. Иван пошел, очевидно, потому, что придавал подобной декларации значение не формального обязательства, а только осведомление о своем властном решении.

Тотчас приступил в. к. Иван к организации в Новгородской земле своего великокняжеского землевладения и общего пошного тягла. Новгородское народоправство сменялось «государством великого князя». 15 января 1478 года великокняжеские бояре привели к присяге всех новгородцев по концам и улицам⁷⁷; новгородские бояре, дети боярские и житьи люди «приказались» в службу великому князю, и на дворе Ярославле водворились великокняжеские наместники⁷⁸.

Польский историк отметил, что утверждение непосредственной великокняжеской власти в Новгороде встревожило все враждебные Москве западные силы – и Ливонский Орден, и Швецию, и Литву⁷⁹. Как только «князь великий московский взял Новгород и вече им сказал», московские наместники появились на Ржеве и ее волостях, на Великих Луках и в Холмском погосте и привели местное население к присяге на имя своего великого князя, а представителей литовской власти согнали прочь⁸⁰. Литовское государство почуяло наступление восточного соседа, настойчивого и упорного, направлявшего и силы крымского ха-

на на западнорусские волости. Литовская рада уже в 1478 г. настаивает на организации особого от польской королевской власти великокняжеского правительства, но король Казимир решил сам вернуться в Вильну и деятельно заняться восточными делами. Власти Ливонского Ордена обсуждают вопрос, как бы «вернуть москвитя к тому положению, в каком были его предки», заводит сношения со Швецией и Казимиром. Назревала та коалиция против Москвы ее западных недругов и Золотой Орды, которая так беспомощно распалась в ближайшие годы. Нет прямых сведений о том, как отразились эти попытки действий, враждебных Москве, на Новгороде. Но в октябре 1479 года Иван Васильевич в приезд свой на Новгород изымал в коромоле архиеп. Феофила и сослал его в Москву; обвиняли его опять в замысле, чтобы Новгород был «за королем или за иным государем»⁸¹. Настоящая расправа за эту новую крамолу произошла позднее, когда пережита была тревога раздора с братьями великого князя и нашествия хана Ахмата. Потребность великокняжеской власти тверже и увереннее стать на западной границе и вовсе упразднить возможность областных сепаратных внешних сношений должна была особо обостриться после таких событий. И в восьмидесятых годах великий князь ликвидирует арестами и выводом из Новгорода остатки литовской партии, а затем эти меры разрастаются в широкий «пересмотр людей и земель», которым разрушен боярский слой новгородского населения, но захвачены глубоко и более широкие его группы – житьи люди и купечество, а выдвинуты на их место более надежные элементы из центральных областей, и положено в крупных размерах основание служилому землевладению и тяглому строю Новгородской укайны⁸².

Большая организационная работа на новгородской почве вошла в общую перестройку положения западных областей Веллкороссии. Псков сохранил на время внешние формы своего народоправства, но под управлением московских наместников, которых псковичи держали у себя, по псковской старине, князьями. В начале самостоятельного правления Ивана III псковичи согнали «с бесчестьем» князя Владимира Андреевича, того служилого ростовского князя, который был посажен у них Василием «ни по псковскому прошению, ни по старине». Иван Васильевич прогневался, но все-таки «дал им князя по псковскому изволению», и князь этот Иван Александрович Звенигородский «целовал крест ко Пскову на всей псковской пошлине»⁸³. По псковскому челобитью и с крестоцелованием на псковской пошлине княжил с 1467 года во Пскове кн. Федор Юрьевич Шуйский, но его наместничья власть уже значительно усилена: управление псковскими пригородами с судом и расправой перешло в его руки⁸⁴. И князь Шуйский стал «творить сильно» над псковичами,

так что они били челом о его замене князем Иваном Стригой Оболенским, но великий князь прислал его брата Ярослава. Новый наместник сел на псковском княжении в феврале 1473 г. с крестоцелованием «на пошлинных грамотах и всех старинах псковских» при вечевом собрании псковичей⁸⁵.

При первых наместниках Ивана III псковичи, как-никак, вели свои дела по старым вечевым порядкам, а с немцами воевали при помощи московских войск. В семидесятых годах – в годину большого и напряженного осложнения всего международного положения – Псков подвергся усиленным нападениям немцев и стал боевым пунктом большого значения. Псковские наместники вели эти внешние дела вместе с новгородскими: оборону западного рубежа, переговоры, перемирия и мирные докончания, на съездах то у себя во Пскове, то в Новгороде. Интересы местной обороны от этого только выиграли, но поглощались, в то же время, общей великокняжеской политикой. Псковской наместник получил особое значение для самой великокняжеской власти, и пересмотр всего его положения во Пскове стал на очередь. В 1475 г. князь Ярослав предъявил псковичам новые требования, и те отправили к великому князю посадников с грамотами на защиту своей старины; но они могли представить только грамоты местных князей, за которыми великий князь не признал достаточной силы, «что лето грамоты, не самих князей великих». Князь-наместник требовал значительного увеличения своих доходов за счет дохода псковской казны, и псковичам пришлось сойти с принципиальной почвы защиты своей «старины» по «грамотам пошлинным» к обороне аргументом о непосильности для них требований князя Ярослава: «нам в том, говорили они, не мощно жити». Решение всецело перешло в волю великого князя. И он своим велением установил новое распределение псковских доходов и новое расширение прав наместничьего суда. Введение в жизнь нового порядка вызвало вскоре настоячивые протесты псковичей, а во Пскове взрыв вечаевой смуты против князя-наместника и его «княжеских дворцов»⁸⁶. В. к. Иван отозвал князя Ярослава, а псковичам дал – по их челобитью – князя В.В. Шуйского; но этот наместник оказался крайне неудачным воеводой и правителем, и Ярослав Оболенский вернулся во Псков. Псковская старина уступила наместничьему управлению, так как все ратное и земское дело, суд и повинности населения подчинены руководству и регламентации представителей великокняжеской власти⁸⁷. Формальная инкорпорация ожидала Псков, подобно Рязани, несколько позднее; но то было лишь устранение пережитка, потерявшего внутреннюю силу и подлинный жизненный смысл.

Последние десятилетия XV века – момент крупнейшего исторического значения для Восточной Европы. На обширных ее

пространствах рушится старая, слагается новая система международных отношений. Основной ее фактор – Московское государство, завершавшее вековую работу над объединением Восточной Руси. И крупный эпизод этой объединительной работы – «тверское взятие» – входит в состав условий и последствий усложненного общего положения на западной границе той широкой политики, какую развернул Иван III, ища новых устоев и гарантий для борьбы с литовским соседом. В эту пору в. к. Иван завязывает сношения с врагами Ягеллонов – со Стефаном, воеводой Валахии, чью дочь он в 1483 г. сосватал за сына, с Матвеем Корвином, королем венгерским, с императором Фридрихом III, с папской курией, учитывая и ее влияние на политику Речи Посполитой, а ближе и всего теснее – с крымским ханом. Сломить в конец опору, какую литовская сила находила в промежуточном, обоюдостром положении русских земель, колебавшихся между Москвой и Литвой, поставить определенно и твердо западный рубеж, притом с возможной для себя выгодой, перетянув в свое распоряжение эти колеблющиеся русские силы – было прямой необходимостью для в. к. Ивана. В начале его правления договор с тверским великим князем, одиннадцатилетним Михаилом Борисовичем, подтвердил, по крайней мере формально, отношения, какие сложились при Василии Темном: одиначество великих князей на началах равного братства, гарантию независимости Твери с отказом великого князя всея Руси от вмешательства в ее внутренние дела, даже с правом в. к. Михаила и тверских князей иметь «путь чист» к Орде⁸⁸. На деле подлинное соотношение сил поставило Тверь в значительную зависимость от великорусской власти, и тверские полки участвуют по зову в. к. Ивана в обоих новгородских походах и в сборе войск против хана к берегам Угры⁸⁹. Москва фактически подавляла Тверь и начала поглощать тверскую силу: в семидесятых годах отъехала в Москву значительная группа тверского боярства⁹⁰. А после 1480 года московское засилье стало еще грознее. Падение Новгорода, усиление властного управления Псковом, ликвидация притязаний великокняжеской братии, новый договор с Рязанью – все эти черты крепнувшей концентрации московской властной силы должны были встревожить руководителей тверской политики не меньше, чем бессилие Твери перед Москвой в пограничных поземельных спорах и столкновениях. В. к. Михаил пытается снова найти опору в Литве, и по смерти первой своей княгини – дочери Семена Олельковича, заводит сношения с Казимиром о союзе, покровительстве и новом браке с одной из королевских внучек. Их договор восстановил отношения между Тверью и Литвой, какие определялись в договоре 1449 г. в. к. Бориса Александровича с Казимиром. Союз «противу всих сторон никого не выймуючи» был явно направ-

лен, прежде всего, на в. к. Ивана⁹¹. Тверская тревога шла навстречу литовской. Король Казимир, после неудачи большой коалиции, скрепляет, по возможности, свои русские связи против надвигавшейся Москвы; одновременно с тверским договором он обновляет докончание с «верховскими князьями» – Воротынским, Одоевским и Новосильским – об их верной и бесхитростной службе в. к. литовскому⁹². Но и эта попытка не удалась. В. к. Иван во время узнал о переговорах, и быстрое движение на Тверь его «порубежной рати» принудило Михаила Борисовича к челобитью на всей воле великого князя. Новый договор решительно вводил Тверское великое княжество в московскую политическую систему: Михаил Борисович целовал крест «к своему господину и брату старейшему, к в. к. Ивану Васильевичу всея Руси, и к его сыну, к своему брату старейшему, к в. к. Ивану», признал себя равным младшему великокняжескому брату Андрею, сложил с себя крестное целование к королю Казимиру и обязался не сноситься с ним без ведома в. к. Ивана, не передаваться на его сторону и от московских великих князей «никоторыми дедами не отступати», а ратную силу посылать в походы с великокняжеским войском⁹³. Великое княжество Тверское стоит еще, как автономное владение рядом с вотчиной московской великокняжеской семьи – ее великим князем, Москвой и Новгородом и Псковом, но отстоять себя оно явно уже не могло. Тверские князья, микулинский Андрей Борисович и дорогобужский Осип Андреевич, а за ними тверские бояре отъезжают один за другим на московскую службу⁹⁴. Почва вовсе уходила из-под ног князя Михаила, и попытка возобновить сношения с королем Казимиром привела к конечному исходу. Тверской гонец перехвачен, и в. к. Иван, не принимая повторных попыток нового челобитья, двинулся на Тверь с большой силой. Покинутый почти всем боярством князь Михаил бежал в Литву, а Тверь целовала крест на имя обоих великих князей всея Руси. Однако Иван III счел нужным не упразднить тверского великокняжеского наместования, а передал его сыну. Когда старший Иван уехал в Москву, в. к. Иван Иванович «въехал во град Тверь жити», принял службу тверских бояр, которые были в боярах у в. к. Михаила, а выдал им свои жалованные грамоты на их тверские вотчины⁹⁵.

Тверское великое княжество стало вотчиной московских государей, но особой от их Московского государства; черты этой особенности сохранились и после кончины в. к. Ивана Молодого – в особой должности тверского дворецкого, в службе служилых людей «по тверскому списку» и, в конце концов, в фантастическом по существу, но формально проведенном восстановлении этого великого княжения для крещеного татарина Симеона Бекбулатовича при Иване Грозном. На первых порах сохранение старой правительственной и служилой организации

должно было представлять значительное удобство, облегчая распоряжение тверскими силами и средствами, и только усиливало выступление великорусской великокняжеской власти в пограничных делах⁹⁶. Утверждение московской силы в Твери, естественно, увеличивало ее общее давление на западный рубеж, и неопределенное положение Чернигово-северского княжества не могло долго продолжаться. В поддержку московскому напору шло внутреннее осложнение отношений Литовско-русского государства. На восточных его окраинах сидели вотчичи мелких княжений, которые служили то Москве, то Литве, а то и «на обе стороны», под «смесным» верховным обладанием обоих великих князей, на родовых своих владениях или на землях, пожалованных им в вотчину от в. к. литовского. Частью это коренные Рюриковичи Черниговской земли, частью обруселые Гедиминовичи, частью московские выходцы, выброшенные великорусской смутой за литовский рубеж. По понятиям тех времен вотчинное княжеское владение вело к признанию за ними права отъезжать от одного великого князя к другому не только лично, но и с вотчинами. В XV веке литовская великокняжеская власть пытается прочнее закрепить их связь с Литовско-русским государством, и в договорах с такими вотчичами появляется «докончание» о том, чтобы они «земли своей от великого княжества литовского не отступали», в частности при выморочности владения, а в договоры с Москвой, Тверью, Рязанью вносится условие – «служебных князей с вотчинами не принимать». Восстановление силы великокняжеской власти и унии с Польшей при Казимире Ягеллончике грозило самостоятельности мелкого княжества не меньше, чем усиление Москвы – великорусским удельным вотчичам. Против нового великокняжеского засилья первые подняли смуту обруселые литовские князья. Киевский отчич Михаил Олелькович, потерявший Киев, князь Ф.И. Бельский и близкие ему Гольшанские затеяли искать опоры в Москве и *«восхотеша по Березину реку отсести на великого князя Литовской земли»*. Олелькович и Гольшанский схвачены и казнены в августе 1481 года, а Федор Бельский ушел в Москву. Этот «заговор князей», о котором источники дают так мало сведений⁹⁷, дал толчок целому ряду отъездов на московскую сторону с вотчинами в восьмидесятых и девяностых годах XV века. Внутренние нелады соседа получают опору и разрешение в наступлении московской великокняжеской власти к юго-западу. Князья Воротыские – один за другим – потянулись в Москву, видя что нет им крепкой защиты от короля, а затем, опираясь на московскую поддержку, нападают вместе с Одоевскими на соседей. По-видимому, многие из таких переходов на московскую сторону происходят, подобно отъездам к Москве тверских бояр, под давлением «обид» в пограничных владельческих спорах и наездах. Едут к Москве кня-

зья перемышльский, белевский, мезецкий, вяземский, а в. к. Иван принимает их «и с вотчинами», защищает их оружием в прямой войне с в. к. литовским и укрепляет за собой мирным dokonчанием 1494 года вместе с теми, чьи вотчины подверглись и помимо отъезда захвату во время военных действий⁹⁸. В 1500 г. Переходит к Москве кн. Семен Бельский, за ним кн. Семен можайский с Черниговым, Стародубом, Гомелем и Любечем, и Василий Иванович Шемячич с Рыльском и Новгородом Северским; перемирие 1503 года закрепило за Москвой эти приобретения⁹⁹. Однако хотя все эти дела и выросли на почве удельно-вотчинных отношений и воззрений, но ссылка на устарелое право отъезда с вотчиною выродилась тут в дипломатическую уловку, и всю борьбу Литвы и Москвы за Чернигово-северские княжения можно рассматривать как явление международной политики московского государя, который выдвинул новый, национальный ее принцип, искусственно построенный на особой вотчинно-династической теории, цель которой – обосновать притязания на все наследие князей Рюрикова дома с древнейших времен. Результаты этой борьбы выводят нас за пределы образования великорусского государства и дают уже его расширение захватом территорий, которые никогда органически не были связаны с великим княжением Владимирским и Великого Новгорода; они непосредственно связаны с начатой Иваном III борьбой за Смоленск.

Объединение обширной великорусской территории под непосредственной властью московского великого князя создало весьма своеобразное и сложное представление о ее владельческо-политическом характере. Если объединение московской отчины с областями Владимирского великого княжения (в более тесном смысле) вело к представлению о их совокупности, как едином вотчинном государстве государя князя великого, то уже с Новгородом и Псковом дело обстояло несколько иначе. Их инкорпорация в состав великокняжеских владений усложняет само представление о «великом княжении». Иван III говорит о нем в своих грамотах, как о трехчленном целом: Москва, Новгород и Псков составляют его великое княжение, но тот же термин сохраняет и более тесный смысл, означая московско-владимирскую область, без Новгорода и Пскова, как особых «отчин» великого князя; а когда рядом с ними стала еще одна «отчина» – тверская, в. к. Иван заговаривает о «всех своих великих княжениях». В политических представлениях эпохи на первом плане не единство территории, а полнота великокняжеского властвования над всеми ее составными частями, не собирание земли, а собирание власти. А как Иван III понимал полноту этой вотчинной власти – сказалось наглядно в эпизоде, который разыгрался между ним и псковичами в 1499 году¹⁰⁰, в период его колебаний